

Н. А. Швабауэр

ХТОНИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОБРАЗОВ ЖИВОТНЫХ В СКАЗАХ БАЖОВА

Зооморфизм как один из возможных способов выражения хтонической природы весьма распространен. В различных мировых культурах бытует представление о существовании так называемых «нечистых» животных и сакральных животных-покровителей, мироустроителей. Согласно древним анимистическим воззрениям духи природы способны принимать облики самых разных зверей, птиц, насекомых и т. п. В отличие от оборотней, для которых звероподобие факультативно, контекстуально обусловлено, для зооморфных персонажей оно является постоянной качественной характеристикой. В горняцкой среде подобные образы тесно связаны с символикой металлов и минералов, земли и огня. Творчество П. П. Бажова, являясь народно-поэтическим по духу, не могло не отразить данные представления. Яркий пример тому – цикл «Малахитовая шкатулка».

Центральным зооморфным персонажем ряда сказов выступает Великий Полоз. В мировом рабочем фольклоре встречается множество его аналогов: дракон, змея, змей, царь (царица) ужей, ящерица. «Будучи связанными с подземным мраком, они воплощают в себе хтоническое начало» [Гура, 1997, 287]. Их отличительным свойством выступает тесный контакт с землей (способ передвижения, место обитания) и миром мертвых (посредническая функция). В устной поэзии горняков сохраняется (пусть и не принципиальное) отличие змеи от змея, хотя оба эти персонажа рабочим известны. Змей соотносится преимущественно с водой, огнем, ветром; змея – с нижним миром. Лингвисты считают понятия «змея» и «земля» этимологически родственными. Еще И. И. Срезневский отмечал переосмысление семантики словоформы «змея» под влиянием словоформы «земля» в Остромировом Евангелии XI в., где зафиксирована форма «змлия» [см.: Фасмер, 1986, 100]. «Змея» образована в качестве родовой пары к существительному «змий», которое возникло как табуистическое наименование от той же основы, что и «земля» (*зъм < и.-е. *ghm), но с переогласовкой. «Змея» – буквально «земляная, ползающая по земле» [Шанский, 1979, 99]. В отличие от сказочного родственника, она немногочислова, не жжет людей огнем, не топит в воде, не поглощает, не похищает, не сражается с героем.

Образ Полоза выписан П. П. Бажовым в полном соответствии с фольклорной традицией, подтверждением чему является не только широкое бытование представления о гигантском змее в горняцкой среде Среднего Урала, Башкирии и Алтая, но и наличие типологически сходных персонажей в поэтическом творчестве горнорабочих Западной Европы. Полоз властен над всем золотом, может опоясать его, притянуть к себе: «Где он пройдет – туда оно и подбежит» [Бажов, 1979, 167]. Недаром дочь Полоза носит имя Золо-

той Волос – золотые прожилки в породе ассоциируются у старателей с ее прядями – «Коса у ней золотая и длиной десять сажень. Речка от этой косы горит, что глаза не терпят» [Бажов 1979, 218]. Традиционный облик Полоза – огромная змея, хотя он способен «оборачиваться», трансформироваться. «И вот видят ребята – человека того уже нет. Которое место до пояса – все это голова стала, а от пояса шея. Голова точь-в-точь как была: только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная. И вот из-под земли стало выкатываться тулово преогромного змея» [Бажов, 1988, 48]. Мужская ипостась змея проявляется в сказе «Про Великого Полоза». «Незнакомый какой-то и одет не по-нашински. Кафтан это на нем, штаны – все желтое, из золотой, слышь-ко, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, тоже из парчи, только с зеленью. Шапка желтая, а справа и слева по ней красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Только глаза зеленые и светят, как у кошки. Мужик... грузный. На котором месте встал, под ногами у него земля вдавилась» [Там же, 48]. Цвет одежды в данном случае символизирует золотые залежи, ведь желтый и красный – функциональные эквиваленты огня, второй ипостаси золота. Огненная сущность проявляется также в том, что Полоз оставляет после себя участки выжженной земли. Избыточный вес персонажа объясняется тяжестью драгоценного металла. Яркое свечение глаз и желтый отлив кожи – телесные аномалии, выдающие сверхъестественную суть. Вычурность и богатство одежды характеризует ее носителя как «чужака». От Полоза исходит блеск камня: «свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло» [Бажов, 1979, 166]. Обитает змей в пещерах и старых штольнях (земном нутре), горах, лесах, болотах – на территориях, потенциально опасных для человека. «А ходить он может и по земле, и под землей, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет» [Там же, 167]. Обычно люди всячески стремятся избежать встречи с этим существом, поскольку оно достаточно агрессивно настроено. Лишь маргиналы типа одинокого отставного солдата Семеныча («Чертознаем его считали. Это больше за книжки-то» – Там же, 164) без опаски подходят на близкое расстояние. Наиболее активен змей на закате и восходе солнца, в полночь, в полдень, «в экое время, ночь уж совсем...» [Там же, 165]. Встреча с ним регулируется рядом «табу» ритуально-этического характера. Запрещено, к примеру, рассказывать о столкновении с фантастическим существом – «Молчок про эти дела, а то все испортите» [Бажов, 1988, 50]. Не допускаются ссоры из-за добычи, не следует лгать, проявлять алчность, жестокость, во всем необходимо соблюдать справедливость. «Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенства были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял» [Там же]. Полоз не ставит перед собой задачу вступить в любовную связь с человеком, тот же, напротив, всячески старается породниться с ним. В сказе «Золотой волос» башкирский охотник Айлып три раза пытается украсть у Полоза дочь. Аналогичный мотив символического союза духа и человека весьма распространен в фольклорной традиции. С точки зрения горняков, подобный брак гарантирует удачу в профессиональном деле, богатство и достаток в доме.

Фигура змея-кладохранителя очень популярна в европейском фольклоре. Обычные (некрылатые) змеи, согласно народным представлениям, живут большими сообществами и имеют своего главу – царя, короля, царицу. Место его обитания – скалы, земные пустоты или отдельные камни, под которыми кроются царские палаты. К примеру, болгарский царь змей восседает на золотом троне в огромной пещере в окружении ужей [см.: Гура, 1997, 294]. Башкирский повелитель змей Какхаха (Шахмер) живет в золотом дворце, где собраны драгоценности со всей земли [см.: Шумерские истоки...]. Одно из отличительных свойств змеиных особей – их умение стремительно передвигаться. «Царь ужей в один миг догнал повозку, обвился вокруг коня и стал грозно шипеть на парня... [Тирольские предания, 325]. Кроме того, царственное животное наделяется особым знаком или атрибутом. Это может быть корона или драгоценный камень на голове, золотой перстень, обруч, полоса (ср. с золотыми кольцами змея Дайко у Бажова), рожки, гребень, ключ во рту – символ «замкнутого» богатства. Если уральский Великий Полоз сам решает, кого из горняков наградить, то его европейские прототипы не столь самостоятельны. Чтобы разбогатеть, достаточно заполучить волшебные средства или убить их владельца. «Мельник... расстелил на берегу свою куртку, всю испачканную мукой. Король ужей приполз... принял куртку за белый камень, оставил на ней свою корону и отправился в воду» [Там же, 324]. Если удастся заполучить чудесный предмет, он гарантирует помощь в нахождении кладов, приносит благополучие, достаток, счастье, необыкновенные способности. «Однажды вечером шли люди из Вайербурга и увидели отливающую зеленую змею возле пруда. Во рту она держала золотой ключ. Змея ждала храбреца, который смог бы забрать у нее ключ, а вместе с ним – сокровище» [Там же, 323]. Нападать на животное нельзя: почувствовав опасность, змея издает резкий свист. На ее зов собираются подданные и атакуют человека, если он не знает заклинания. «Otterkönig свистнул, и тут же сбежались змеи со всей округи. Они окружили повозку и начали ее раскачивать так сильно, что парень упал без чувств. Когда пришел в себя, схватил корону и бросил ее на землю. Царь ужей вмиг надел ее на себя и отправился восвояси, а все змеи за ним. Через пару мгновений они исчезли» [Там же, 324]. Европейские аналоги Великого Полоза обладают также функцией социоэтического контроля. Немецкие предания сохранили память о Драконьем озере, являющемся местом погребения семьи горняков, очень гордой и заносчивой. «Одна семья очень разбогатела на рудном деле, но вместе с золотыми запасами выросло их высокомерие. Эта семья построила в Хансе свою шахту и свою собственную церковь, т. к. не хотела молиться с другими людьми в общественной. Но однажды вдруг все это утонуло: и церковь, и шахта. А на их месте возникло Драконье озеро. Говорят, что под Рождество можно увидеть старую шахту, дом и церковь, где молится семья. Их охраняет страшный дракон, чтобы ни один человек не смог приблизиться к ним» [Где руда выходит на поверхность, 207].

К образу Великого Полоза примыкают образы голубой змейки, медянки, различных ящериц, также созданных Бажовым в духе народно-поэтической традиции.

Уральская голубая (опять-таки знак хтонизма) змейка «ростом не больше четверти, и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет» [Бажов, 1979, 186]. В горняцкой среде существует негласный запрет на упоминание имени голубой змейки всуе, чтобы не накликать беду. Увидеть ее в одиночку – к нахождению золотой жилы, с товарищами – к ссоре, вражде. Качественно определяющим признаком персонажа становится способ передвижения. «Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает, да так бойко, что не догонишь ее. Когда она этак бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево черная-пречерная» [Там же]. Перед нами символическое выражение близости к земле и золотым пластам. Других следов это inferнальное животное не оставляет. «По траве идет, так ни одна былинка не погнется» [Там же]. Как и Великий Полоз, голубая змейка обладает так называемым обратным изоморфизмом – принимает облик женщины. «Сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого – черная пыль сыплется» [Там же].

Отчасти голубая змейка напоминает веретеницу – особый вид гадюки или безногой ящерицы, которая не ползает, а катится на брюхе [Козлова, электрон. ресурс]. Нередко веретеница смешивается с медянкой, в сознании крестьян – кладохранилищем. Змея-медянка отливает зеленью меди, а зеленый цвет трактуется двояко: это и символ роста (жизни), и символ смерти (камня) – ср. с зелеными глазами Полоза [см.: Словарь символов, 555]. На Среднем Урале змейки-медяницы являются слугами (в трактовке самого Бажова – дочерьми) Полоза, которые помогают ему проводить золото через камень и спускать его по рекам. «В камне оказалось золото – Змеевка прошла, след оставила» [Бажов, 1979, 20]. Клубок медянок считается знаком близости пласта, но эти змеи достаточно опасны для человека. М. Д. Чулков так характеризует их: «Сей род гадов почитают весьма вредным... Они получают зрение один раз в году, в Ивановскую ночь. Тогда они, увидев человека или другое животное, бросаются стрелком и пробивают насквозь наподобие стрелы» [цит. по: Козлова, электрон. ресурс]. В немецком предании аналогично поступает король змей: он пронзает того, кто его разгневал [см.: Афанасьев, 1994, 278].

Родовое название «ящерица» восходит к общему наименованию древних хтонических существ змееподобного вида – *шур*, *яшур*, *ящер* [Даль, 2000, 735]. В окружении Хозяйки Медной горы их очень много, и все они разные: «одни, например, зеленые, другие голубые, которые в синь впадают, а то как глина либо песок с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблеклая, а которые опять узорами изукрашены» [Бажов, 1979, 25]. Многообразие цветовых оттенков, переливы ассоциируются не только с разными видами руды, но и с первичной нерасчлененностью хтонического. Ящерицы указывают путь в царство владелицы подземных богатств, «в котором месте заходить, в котором выходить» [Там же, 118]. Они

обладают способностью понимать и имитировать человеческую речь: «Сидят обе на скамеечке, головенками помахивают: “На здоровье, гостенек! На здоровье!”» [Бажов, 1979, 119].

Кроме змеи, в цикле «Малахитовая шкатулка» фиксируются и другие самостоятельные зооморфные образы. Весьма примечателен персонаж по имени Серебряное Копытце. «Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем – там и появится дорогой камень. Раз топнет – один камень, два топнет – два камня, а где ножкой бить станет – там груды дорогих камней» [Там же, 211]. Вообще золотая (серебряная) окраска или своеобразная структура тела, когда некоторые его части полностью состоят из золота, серебра, драгоценных камней, являются качественными характеристиками «чужого». Если у змея Дайко это золотые кольца, у Полоза и голубой змейки – золотой след, то у Серебряного Копытца – серебряная конечность. Кроме копытца есть еще ряд внешних признаков, выделяющих животное из разряда обычных: «Рожки у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток. Простые зимой безрогие ходят, а этот всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой» [Там же]. Данный персонаж умеет подражать звукам, издаваемым человеком: в ответ на домашний призыв Даренки «мека-мека» козел смеется и убегает. В описании Серебряного Копытца особо акцентируется момент отсутствия запаха («козел лесной, лесом и пахнет»). «Аромат» леса в этом конкретном случае выдает принадлежность его носителя к «чужому» пространству.

Образ лося (оленя) – один из самых древних мифологических образов, и выполняет он космологическую роль. В отдельных этнических культурах он символизирует вселенную и прародительницу племени – рогатую Мать-олениху [Мифология, 217]. Это сакральное животное, убивать которое категорически запрещено. В представлении славян-земледельцев козел является слугой водяного или домового, а рабочие называют его «демоническим духом металла», приписывая ему связь с камнем – центром жизнедеятельности группы. В европейском фольклоре рудокопов действует козел с золотыми рогами [Гельгардт, 1958, 300]. В Англии и Македонии шахтеры его боятся, а в Германии, напротив, считают его появление в шахте добрым предзнаменованием. Отличительной способностью Белого (опять-таки знак inferнальности) оленя в Гарце выступает владение человеческой речью. «Недалеко от Гослара решили как-то заложить шахту в том месте, где предполагалось много руды. Вдруг появился белый олень и стал к удивлению всех убеждать человеческим голосом, что нужно отказаться от этой затеи. Мол, пока еще есть руда в Раммельсберге, нечего рыть новую шахту. Так же внезапно, как появился, олень исчез» [Где руда выходит на поверхность, 80].

Функцию пособника в разведке полезных ископаемых приобретает также кошка. Крестьянская фольклорная традиция приписывает ей роль «чертовой свиты, злонамеренного существа, обладающего сверхъестественной силой» [Мифология, 180]. У Бажова встречается земляная кошка с огненными ушами, олицетворяющая собой выход сернистого газа на поверхность. «Два синеньких огня вспыхнуло. Ни дать ни взять – кошачьи уши, а между ними

горка маленькая, вроде кошачьей головы... От Гальяна до самой Думной горы по пескам, где медь с золотыми крапинками, уши люди много раз видали, а кошку никому не доводилось. Под землей она ходит» [Бажов, 1979, 155]. Интересен также образ Муренки из сказа «Серебряное копытце». Внешний вид ее ужасен: «Маленькая, бурая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит» [Там же, 210]. Неухоженность животного говорит об его несоответствии привычным понятиям о красивом/некрасивом, а следовательно, его «инакости». Общается Муренка почти по-человечески: «мурлычет очень звонко: «Пр-равильно придумал, пр-равильно» [Там же, 211]. Трудно сказать, к какому пространству она принадлежит. Подбирает Даренка эту кошку «где-то», бегают Муренка исключительно «по краю лыжни», именно по ее звуку исчезает Серебряное Копытце. Перед нами персонаж-маргинал, осуществляющий посредническо-связующую функцию между «тем» и «этим» мирами.

Традиционное мифопоэтическое сознание связывает с золотом и образы некоторых птиц. На Урале это в первую очередь филин. Он широко известен своими необычными свойствами: бодрствует только ночью, является посвященным в тайны, скрытые для смертных. Недаром Айлып называет его дедкой Филином и ходит к нему за советом. Данная птица выполняет в основном маркирующие функции. В горняцком фольклоре она сопровождает девушку Азовку, у Бажова – Огневушку-Поскакушку. Появление филина должно свидетельствовать о наличии поблизости сверхъестественных сил или подземных богатств. В крестьянской демонологии птицы из семейства совиных общепринято наделяются зловещими признаками: их крики сравниваются с язвительным смехом, жалобным хныканьем, стоном, вытьем, голошением, которые сулят несчастье и смерть [см.: Гура, 1997, 569]. «Эх, она [о Поскакушке] нам счастье открыла бы, кабы не филин. Он наше счастье обухал да обхотал» [Бажов, 1979, 175]. В сказах Бажова филин действует против Полоза. «Филин Полозу вредил. Сел на озерный камень и заладил одно: “Фубу! Фубу! Фубу!”» Прокричит этак три раза, огненные кольца и потускнеют маленько, вроде остывать станут. А как загорятся снова да золотые искры шибко по воде побегут, филин опять закричит» [Там же, 226].

Функции филина в европейском рабочем фольклоре выполняет пестрая птичка. Смешанный цветовой окрас лишь подчеркивает связь данного персонажа с хтоническими силами и создает предпосылки для соотнесения с различными типами руды. «Абрахам Монах, самый набожный горняк в Визентале, как-то обнаружил на вершине Еловой горы красивый источник, дно которого блестело, как золото. Он сел и стал рассматривать чудный золотой ручей. На одном берегу он увидел красивую пеструю птичку, а на другом – Горного монаха с раскрытой книгой» [Где руда выходит на поверхность, 78].

В Урало-Башкирском регионе к охранникам благородного металла относят муравьев. П. П. Бажов отмечал, что представление о «золотых таракашках» на Урале существует, хотя формой развитого сюжетного повествования не обладает [Бажов, 1964, 316]. Однако оно находит отражение в сказе «Жабреев ходок». Данное сопоставление носит явно выраженный метафори-

ческий характер, золотиносное гнездо ассоциируется с муравейником: «золотосная жила желтой змейкой вьется под землей, когда до гнезда останется один-два метра, золото подает первый знак – две-три крупинки, как вошь, а в самом центре – как в муравейнике» [Ахметшин, 1997, 199]. В Европе муравьи тоже связаны с драгоценными металлами, им приписывается необыкновенная сила, благодаря которой они могут вынести на своих плечах груз золота [см.: Мифология, 203].

Все перечисленные факты позволяют говорить о фольклорной основе зооморфных образов в сказах П. П. Бажова. Действительно, его персонажи обладают inferнальной окраской, не типичным для обыденного сознания внешним строением, поведением, способностью понимать и воспроизводить человеческую речь. Они тесно связаны с богатством земных недр, символикой золота, серебра, драгоценных металлов, активно перемещаются из освоенного человеком пространства в неизведанное. Все это еще раз подтверждает мысль о глубинной народно-поэтической природе бажовских произведений, о сходстве мировоззренческих принципов автора и той среды, в которой он вырос, о естественности синтеза фольклорной и литературной традиций в творчестве П. П. Бажова.

-
- Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.
- Ахметшин Б. Г.* Несказочная проза горнозаводского Башкортостана и Южного Урала: Дис... докт. филол. наук. Уфа, 1997.
- Бажов П. П.* Сказы. Свердловск, 1988.
- Бажов П. П.* Некоторые вопросы литературного творчества [беседы с М. Батиным] // Бажов П. П. Избр. произведения: Очерки, повести, публицистика, письма, дневники. М., 1964.
- Бажов П. П.* Уральские сказы. М., 1979.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Гельгардт Р. Р.* Стиль сказов Бажова. Пермь, 1958.
- Даль В. И.* Толковый словарь русского языка. М., 2000.
- Козлова Н. К.* Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник: Указатель сюжетов и тексты // Альманах «Рутения» [электрон. ресурс]. Режим доступа: www.ruthenia.ru.
- Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
- Словарь символов / Сост. Керлот Х.-Э. М., 1994.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М., 1986.
- Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 2, вып. 6, М., 1975.
- Шумерские истоки Башкортоского предания «Урал-батыр». Ч. 3 / Сост. А.В. Горохов. Уфа, 2001.
- Sagen aus Tirol = Тирольские предания. Инсбрук, 1891.
- Wo das Erz in Fulle blickt: Bergmannssagen = Где руда выходит на поверхность: Предания горняков. Лейпциг, 1956.